

A decorative border surrounds the text, featuring various types of leaves and oak leaves arranged in a rectangular frame. The border is composed of small individual leaves and larger oak leaves at the corners, connected by thin lines.

Внутренний лес

Сергей
Сапожников

Внутренний лес

Лес – древняя сущность.
Человеку он – первобытный дом,
храм и картина мира. Деревья
в лесу никогда не одиноки, они
вплетены в густую сеть отношений,
в универсальную биосферу,
не менее сложную, чем современный
социум. Гораздо позже, покинув
леса ради городов, люди не смогли
и там расстаться с деревьями,
организовав последним жизнь
по собственному усмотрению:
выделив для них резервации парков,
устроив вечнозеленые зимние сады
внутри своих жилищ. Ранее всего
в своей новой городской жизни
укрошенная флора сделалась
символом идеального внутреннего
пространства: первозданный лес,
хаотичный и опасный, превратился
в идеальный внутренний сад,
уютную тень первозданного Эдема.
Подобный идеал оказался настолько

влиятельным, что даже возведенный в позапрошлом веке Хрустальный дворец, этот сияющий прообраз архитектуры будущих времен, был сконструирован садовым архитектором Джозефом Пакстоном и, конечно же, по модели оранжереи.

Внутренний сад, отгороженный высокой стеной от мира грешного, в многочисленных версиях присутствует в мировой культуре. То он – крошечное царство, заключенное в оправу церковной или частной архитектуры; то аллегория человеческой души, то меняющийся от столетия к столетию литературный, картинный и даже музыкальный образ. Отсылая к божественному прототипу, такой сад пребывает за пределами драмы человеческой истории. И выглядит прямой противоположностью лесу, в котором воплощена мощь материальной, сугубо земной природы. Их оппозиция начинает стираться, когда в европейской истории возникают парки, выдвигающие свое пространство во внешний мир, перемешивающие в себе свойства сада и леса. Их встречное движение становится явным, когда на смену французскому регулярному парку приходит английский пейзажный. Когда новой культурной модой вместо державной геометрии оказывается естественность природы, ее сложная романтическая ритмика, состоящая в близком родстве с непредсказуемой изменчивостью человеческой души. В это время даже начинает казаться, что картины неукротенной природы являются столь ярким и многообразным выражением

внутренней жизни индивида, что их не выразить руке даже самого искусного художника.

И вот будущий отец британской фотографии Уильям Генри Фокс Тальбот, наблюдая в своей итальянской поездке чудесные картины природы, «рожденные мгновением и обреченные столь же стремительно исчезнуть», представляет себе, «насколько восхитительным было бы принудить эти природные образы надежно запечатлеться». Вернувшись из Италии, он берется за дело и через какое-то время начинает, еще без помощи камеры, создавать контактные отпечатки, которые назовет фотогеническими рисунками. Они – буквально рисунки, созданные при его посредстве самой природой, и среди них много отпечатков листвы различных растений. Выбор натуры для тех первых фотографий вовсе не удивителен, если вспомнить, что мать Тальбота увлечена искусством пейзажного парка, под сенью которого он, собственно, и вырос. Как и то, что общим источником как фотосинтеза растений, так и фотоизображений является энергия светового потока. Из таких тальботовских листочков вскоре рождается полноценный пейзаж, который, наряду с портретом, оказывается одним из двух популярнейших жанров ранней фотографии. К тому же в рамках пейзажа существует еще и своеобразный поджанр – «портретное» изображение отдельных деревьев. И упражняются в нем многие великие фотографы, начиная с пионера художественной фотографии Гюстава Лёгге, который

снимал деревья в лесу Фонтенбло, и до нашего современника Роберта Адамса, отдавшего дань величественным тополям североамериканских Великих равнин. В целом же пейзажная фотография на протяжении своей истории делилась на изображения мира дикой природы (в том числе, конечно же, лесных массивов) и среды человеческого обитания, главным образом городской. И лишь относительно недавно, после Второй мировой войны, когда прежние природные пространства стали все стремительнее заселяться людьми, возникла третья разновидность фотопейзажа, так называемая «новая топография» или «фотография ландшафта, измененного человеком» (по названию знаменитой выставки, прошедшей в США в 1975-76 годах). Такой пейзаж изображает хаотический симбиоз растительной среды с городской застройкой, деструкцию природных масс под антропогенным воздействием. Или же показывает возвратное движение: победу природы над человеческим окружением, поглощение искусственных форм естественными. Иначе говоря, демонстрирует то, как сад и парк превращается в лес, в джунгли. Примеры подобной исторической инверсии не редки в современной фотографии. И, может быть, самый знаменитый из них – серия замечательного немецкого фотографа Томаса Штрута под названием «Рай». Это многочисленные изображения джунглей, заснятые в разных местах планеты, где взгляд не в силах пробиться сквозь лесную ткань, обнаружить малейшую толику порядка в буйстве избыточной флоры.

Проект Сергея Сапожникова, выполненный для интерьера торгово-гостиничного комплекса «Киевский», в длинной истории фотографических сада и леса принадлежит скорее не к финалу, а к началу ее новой главы. Вросшие в густой подлесок деревья, которые фотограф снял в двух московских парках, более всего схожи не с питомцами садовых яслей, а с их родней из дикой природы. И в пространстве «Киевского» группа огромных вертикальных фотографий Сапожникова, зависая в «ущелье» между этажами, выглядит не внутренним садом, но внутренним лесом. Не образом гармонии, а метафорой современного подсознания. Деревья, снятые на телеобъектив, оптически сгущают окружающее их пространство до плотности чащобы. А проводником нашему зрению здесь служит лишь световой луч, намечающий проход сквозь растительный сумрак. Следуя ему, взгляд скользит вверх, все выше вдоль стволов, чтобы в конце концов наткнуться на просветы меж древесных крон, служащие пределом, за которым свет возвращается к своему истоку. Тем местом, где натиск внутреннего леса разбивается о воздух небес.

Владимир Левашов

Настоящее издание приурочено к выставке
«Сергей Сапожников. Внутренний лес»
ТГК «Киевский», Киевская улица, 2
28 мая – 30 ноября, 2026

Выставка

Размещение

ООО «Белком Коммуникейшн»
ТГК «Киевский»

Генеральный директор

Денис Моноленко

Партнер открытия

Никола Мавика

Продюсеры

Софья Горфинкель
Елена Соколова

PR-директор

Ксения Шугурова

Техническая дирекция

Сергей Маркин
Олег Касьянов
Дмитрий Кремнев

Монтаж

Алексей Морозов

F&B сопровождение

Антон Беркутов

Печать изображений

Евгений Будаев

Каталог

Текст

Владимир Левашов

Дизайн

Елена Погодина

Координация типографии

Алина Тахоева

Сергей Сапожников выражает благодарность
Эльчину Сафарову и Диляре Аллахвердовой.
За дружбу, которая становится фундаментом
для творчества. За бесконечное стремление
к развитию, которое питает душу. За преданность
искусству, которая объединяет нас.

Партнер открытия

Отпечатано в

«Бюро Уникальных Книг»

Тираж

300 экземпляров

Москва, 2026

